

Лосев А. Критики о Лосеве filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Критики о Лосеве

Исторический журнал "Родина" не может жаловаться на недостаток популярности. Менее известно приложение к нему -- "Источник", в состав которого входит своеобразный "журнал в журнале" -- "Вестник Архива Президента РФ". Именно там в №4 (23) за 1996 год появилась публикация "Так истязуется и распинается истина..." А.Ф.Лосев в рецензиях ОГПУ" -- подборка документов, на наш взгляд, принципиально важная, представляющая существенный интерес не только для профессиональных историков или философов, но и для всех, кто серьезно относится к прошлому, настоящему и будущему России. Не располагая возможностью для полного воспроизведения материалов "Вестника..." (отсюда -- по необходимости большие цитаты), мы публикуем три комментария к этому сюжету.

О старом контексте

Константин Поливанов

Вероятно, Владиславу Ходасевичу принадлежит самая жесткая оценка культурной ситуации Серебряного века и ее ближайших порождений. "Можно было прославлять и Бога, и Дьявола. Разрешалось быть одержимым чем угодно: требовалась лишь полнота одержимости. Глубочайшая опустошенность оказывалась последним следствием Расплаты бывали не театральные ("Конец Ренаты"). Можно обсуждать степень справедливости поэта, но очевидно, что духовный и нравственный релятивизм вместе с головокружительными идеологическими метаморфозами -- от марксизма к идеализму, от эстетства ли (если угодно -- "панэстетизма") к антропософии -- подготовили благодатную почву для всех вариаций "духовного одичания", когда люди, вчера еще вполне безупречные, становились стукачами или агентами органов, евразийцами или политическими террористами, перебежчиками от двуглавого орла к красному знамени, идеологами новой власти, сочинителями подлейших исторических концепций и романов или "просто" авторами массовой квазидетской литературы о счастье быть гражданами пресловутой "шестой части земного шара". Но будем справедливы и вспомним замечательные строки Тимура Кибирова, где увековечен результат "застойной" моды на "Зоргенфрея, Черубину и Пяста" -- Впрочем, надо заметить, что именно этот / старомодного чтения круг / ледяное презрение к Власти Советов / влил мне в душу...

Семь десятилетий бандитской диктатуры воспитали у нас аллергию на слово "революция". Нам часто бывало трудно понять, какую "музыку" призывал слушать Александр Блок, какую желаемую стихию могли обнаруживать в событиях 1917 года его современники и, наконец, что побуждало Осипа Мандельштама или Бориса Пастернака подыскивать нравственные оправдания происходящему. Пожалуй, сегодня многие вопросы и ответы выглядят иначе, и здесь заслуга не только нашей большей информированности или нынешней идеологической свободы. Именно в последние годы из современной практики, а не из истории, мы смогли убедиться, что фашизм и коммунизм в своем близнечном братстве, действительно, подобны партии и Ленину -- равны в ненависти к свободе и либерализму (и в политике, и в религии, и в культуре), в глубоком презрении к человеческому достоинству, к ценности отдельной человеческой жизни, в любви к серости, помпезности, безликости и однообразию. Какими парадоксальными или, напротив, закономерными путями все это выросло из, казалось бы, многоцветной жизни рубежа веков -- тема отдельная. Здесь важнее вспомнить, что приветствовали революцию, ощущали ее нравственную неизбежность и необходимость писатели, проявлявшие либерализм как в политических взглядах, так и в искусстве, и они же -- кто позже, кто раньше -- ясно осознали, что от "стихийной" и "нравственной" революции (другой вопрос, может ли такая быть в природе; речь не о наших взглядах, а о тех, что без нас были вербализированы) очень быстро не осталось и следа. Большевицкий режим ни о каком либерализме не помышлял, хотя лозунги свободы и "человеколюбия" (не в людоедском смысле) неустанно провозглашал. Вспомним выступления Блока после "Двенадцати", роман "Мы" Евгения Замятина, социал-демократа с немалым дореволюционным стажем, сатиру Маяковского -- их авторы поняли, что в результате октябрьского переворота прежний, далекий от либеральных идеалов государственный строй сменился еще более удаленным от этих идеалов.

Стоит ли удивляться, что эпатажирующий публику авангардист Маяковский был посмертно запихнут в такую рамку, что стал трудноузнаваемым, что поэму "Двенадцать" изображали гимном коммунистической революции, а "Мы" не печатали,

Лосев А. Критики о Лосеве filosoff.org
умалчивая не только о существовании романа, но и его автора.

И одновременно стоит ли удивляться, что "философия" А.Ф.Лосева, при всей ее внешней антисоветскости и неподцензурности, пришлась ко двору в Советской России в годы, когда партократия сменялась режимом единоличной власти Сталина. Из лагеря Лосева освобождают со стремительной быстротой (вспомним его записки о Беломорканале, из которых неподготовленный читатель должен был бы сделать вывод, что имя популярной марки советских папирос происходит от названия санатория, где проходили курс оздоровительного лечения советские мыслители), предоставили возможность работать, преподавать, публиковаться, вносить неоценимый вклад в развитие марксистско-ленинской эстетики.

Как мы узнали из "Источника", Лосев писал: "Раб не потому раб, что его утеснили. РАБОМ ЧЕЛОВЕК ДЕЛАЕТСЯ ПОТОМУ, ЧТО ОН РАБ В СВОЕМ СОБСТВЕННОМ СОЗНАНИИ, РАБ ПО ДУШЕ", -- не эта ли идеология лежала в основе социалистического строительства, осуществлявшегося миллионами за колючей проволокой, в большой зоне? Прославление феодализма, крепостничества и единовластия (что, по Лосеву, "оклеветаны либералами всех стран") было как нельзя более кстати в эпоху установления колхозного крепостного права и хорошо перекликалось с восхвалениями "исторически прогрессивного" царствования Иоанна Грозного. Расуждения же о "еврействе" как "оплоте мирового сатанизма", о том, что "как в действительности не существует достоинства женщины, так и не может быть понятия о еврейском достоинстве", что "настоящий еврей, как и женщина, лишен собственного "я", а вследствие этого и самооценности", стали в СССР вполне актуальны в конце 1940-х, когда среди высших руководителей государства были в основном истреблены обладатели семитской крови. Что же до отношения к женщинам, то здесь страна победившего социализма всегда демонстрировала полное отсутствие сексизма -- в лагерях женщин смело посылали на лесоповал, на следствии подвергали пыткам наравне с мужчинами (исключение делали только для беременных -- их сперва подвергали принудительным абортam), а на свободе -- предоставляли широчайшие возможности работать и откатчицами в шахтах, и на вреднейших химических производствах, и на метрострое, и на укладке железных дорог. Позже, не иначе, как под влиянием "сатанинского" Запада появились (сперва, правда, очень короткие) "декретные" отпуска; отдадим, впрочем, справедливость советской юстиции -- в заботе о нравственности, оберегая советских женщин от конкуренции, мужеложество, как и скотоложество, карались в качестве уголовных преступлений. Революция, чреватая усилением либерализма, была ненавистна что Лосеву, что Сталину. Они оказывались союзниками по борьбе со всякими Замятиными и Маяковскими. Когда Сталин уничтожал старых большевиков и бывших марксистов, а затем начинал борьбу с "безродным космополитизмом", он воплощал на практике лосевские (не его одного, конечно) идеи. "Марксизм, - читаем мы, -- есть типичнейший иудаизм, переработанный возрожденскими методами и то, что все основатели и главная масса продолжателей марксизма есть евреи, может только подтвердить это."

Трудно поверить, что психически здоровый человек мог написать все то об истории, культуре, цивилизации и религии, что так обильно цитируется в опубликованных "Источником" документах. Но обратимся к публикации, подготовленной А.А.Тахо-Годи, которую трудно заподозрить в желании очернить автора нижеследующих слов: "Хаос прозвенел в бесконечности фикцией. Фикция стала словом, фикция стала богом. И решил бог в творчестве реального мира преодолеть свою фикцию, и создал небо, землю и человека. В начале была фикция! Спасаясь от реальности злого ада, человек создал фикцию благого рая. И ад стал реальностью, и рай стал фикцией. Мир наполнился хохотом и человек познал фикцию". (Полностью: "Начала". 1994. No1.) И все это ведь пишет не Демьян Бедный и Обзериуты, а философ, в 1932 году тайно принявший монашеский постриг. Впрочем, дважды женатый.

О НОВОМ ТЕКСТЕ

Леонид Кацис

На первый взгляд все заурядно. В преамбуле читаем: "Публикуемые ниже документы, наверное, не нуждаются в специальном предисловии и комментариях. Практика доносов по политическим, идеологическим и иным мотивам, так пышно процветавшая в годы репрессий, достаточно известна и осуждена обществом. Она была характерна не только для отдельной категории "законопослушных" граждан нового общественного строя, но и для государственных органов, призванных силой данных им полномочий и непрерываемого авторитета этот строй защищать".

Кажется, нас ожидает сфабрикованный ОГПУ донос на русского мыслителя, призванный опорочить перед властями "осужденных обществом" лет невинного автора религиозно-философских сочинений. Однако уже изложение обстоятельств, приведших к появлению "Справки о роли профессора Лосева А.Ф. в а/сов. движении", прямо противоречит понятию "донос". На Лосева никто не доносил. Свои таинственные, много лет разыскиваемые "Дополнения к "Диалектике мифа" он, судя по документу, предоставил в цензуру сам. А органы лишь отреферировали текст для собственных нужд. Цитируем (подчеркивания ОГПУ в тексте заменены курсивом): "Дополнения к "Диалектике мифа" были написаны ЛОСЕВЫМ в течение нескольких месяцев -- осенью 1929 года. В ответ на успешное социалистическое наступление Лосев пытался выступить перед широкими слоями населения с открытым антисоветским призывом, добиваясь в Главлите напечатания "Дополнений" и увеличения тиража "Диалектики мифа", и, когда "Дополнения" к печати разрешены не были, Лосев все же включил в "Диалектику мифа" ряд глав и абзацев из "Дополнений", содержащих резкие выпады против марксистского мировоззрения и политики Соввласти".

Документ малосимпатичный, но не доносительный: никто не подсматривал за автором "Дополнений" в замочную скважину и не сообщал в ОГПУ о его кухонных беседах. Зато справка содержит важные сведения об изъятом и невосстановленном лосевском труде: "В работе "Дополнения к "Диалектике мифа" ЛОСЕВ создает философско-историческую концепцию, которая должна обосновать необходимость непримиримой борьбы с Соввластью".

Основные положения "добавлений" в общих чертах сводятся к следующему:

Вся история человечества -- есть история борьбы между Христом и Антихристом, богом и сатаной. Феодализм -- высшая ступень в истории человечества, торжество бога; феодализм падает под ударами сатаны, дальнейшая история есть история развертывания и оформления сатанинского духа. Ступени этого развертывания -- капитализм, социализм, анархизм. Историческим носителем духа сатаны является еврейство. Марксизм и коммунизм есть наиболее полное выражение еврейского (сатанинского) духа".

Составители справки приводят слова Лосева (видимо, из дела) о том, что книга является крайне резким ответом на церковную политику Советской власти. Однако Лосев констатирует, что эти взгляды в "Дополнениях" получили лишь внешнюю форму и не связаны с существом его мировоззрения. Если учесть, что недавно стало известно о монашеском постриге Лосева (инока Андроника) у имяславческого о. Давида, то комментарий гепеушника, назвавшего Лосева "теоретиком и идейным вождем контрреволюционного движения имяславцев", приобретает особый смысл. Тот же гепеушник сообщает, что "в 29--30-е гг. ОГПУ на Северном Кавказе и Закавказье ликвидирована к.-р. организация имяславцев (свыше 300 чел. участников), проводивших подготовку к вооруженному выступлению против Соввласти под лозунгом "борьбы с антихристом". При аресте оказывали вооруженное сопротивление". (Ср. "Родина" 1989, No10; скорее всего "к.-р. организацией" была группа имяславцев, и не помышлявших о вооруженном восстании.) Поступок Лосева выглядит едва ли не актом самопожертвования. Приведем, однако (по той же справке), другую цитату из Лосева: "Наши встречи (с деятелями имяславия) были частыми, мы вели продолжительные беседы на религиозные темы. Наши общие религиозные воззрения (с одним из вождей имяславия) в основных пунктах совпадали, но в то время, как все МОЕ ВНИМАНИЕ БЫЛО ОТДАНО ТЕОРИИ И ДИАЛЕКТИКЕ, ОН ЦЕЛИКОМ БЫЛ В СФЕРЕ ПРАКТИКИ И ПОЛИТИКИ. И в этом было наше различие". И чуть ниже: "Политические настроения моих знакомых, в общем, были близки моим настроениям. Отношение к Соввласти у всего круга моих знакомых было определенно отрицательно, они расценивали положительно политический строй царской России".

Такого рода стилистика чужда Лосеву -- ясно видна работа "органов". Иначе в следующем документе -- "МАТЕРИАЛЕ о рукописи ЛОСЕВА А.Ф. "ДОПОЛНЕНИЯ К "ДИАЛЕКТИКЕ МИФА": гепеушный реферат сделан, видимо, точно. И здесь надо сказать, что оценка труда Лосева (с учетом стилистики времени и места) видится вполне адекватной: "Нужно особо отметить боевой воинствующий характер этой черносотенной поповской программы".

Но по порядку: "Трактовка социализма и коммунизма в работе ЛОСЕВА целиком воскрешает "научные построения" идеологов русского черносотенства, для доказательств "иудейского" и "сатанинского" характера социализма подвергается диалектическому разбору Талмуд и Каббала, причем эти построения несколько

Лосев А. Критики о Лосеве filosoff.org
"освещены" цитатами из... Маркса.

Из сущности коммунизма ЛОСЕВЫМ "с диалектической необходимостью" выводится неизбежность анархии, которая будет царством антихриста и гибелью человечества. Выход -- в создании воинствующей церкви, абсолютно враждебной Соввласти, только такая церковь сможет вступить в борьбу с сатаной -Израилем и сломить его владычество".

фрагмент можно было бы счесть подделкой, если бы слишком многие нити не связывали его с известными текстами Лосева. О них -- ниже, а пока вдумаясь в слова Лосева (в "Материале" они специально закавычены или подчеркнуты): "силой открыто выступившей с целью "свержения Бога с принадлежащего ему места" и разрушившей божественные устои феодализма (отсылаем к многочисленным работам Лосева, вплоть до поздней "Эстетики Возрождения". -Л.К.) была извечно враждебная христианскому Богу сила Сатаны, воплотившаяся в иудейство. Эпохой возрождения кончается торжество христианства и начинается историческое воплощение Израиля.

ИЗРАИЛЬ ХОЧЕТ СОЗДАТЬ СЕБЕ СПАСЕНИЕ СВОИМИ СОБСТВЕННЫМИ РУКАМИ (ср. "Интернационал". -- Л.К.), ПОЭТОМУ ИЗРАИЛЬСКАЯ СТИХИЯ И ЛЕЖИТ В ОСНОВЕ НОВО-ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ. ВОЗРОЖДЕНИЕ, ПРОСВЕЩЕНИЕ, РЕВОЛЮЦИЯ - ВСЕ ЭТО ИМЕЕТ ПОД СОБОЮ ОПЫТ СВЕДЕНИЯ БЛАГОДАТИ, КОТОРАЯ ДАЕТСЯ ДАРОМ И ПО НЕИЗВЕСТНОМУ ОПРЕДЕЛЕНИЮ, НА ЕСТЕСТВЕННЫЕ УСИЛИЯ ЧЕЛОВЕКА, которые должны быть вознаграждены по справедливости и в которых нет ничего таинственного, но все телесно и чувственно-реально. КАББАЛА ЕСТЬ ПРИНЦИП ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ЕСТЕСТВА, АКТИВНО НАПРАВЛЕННОГО ПРОТИВ СТИХИИ БЛАГОДАТИ.

КАББАЛА ЕСТЬ ОБОЖЕСТВЛЕНИЕ И АБСОЛЮТИЗАЦИЯ ИЗРАИЛЯ. ИЗРАИЛЬ - ПРИНЦИП ОТПАДЕНИЯ ОТ ХРИСТИАНСТВА И ОПЛОТ ВСЕЙ МИРОВОЙ ЗЛОБЫ ПРОТИВ ХРИСТА".

Столь же глубокие рассуждения о Каббале мы найдем в цитируемом тексте не раз. Откуда узнал все это Лосев? Без полного и аутентичного текста "Дополнений к "Диалектике мифа" мы вынуждены пользоваться самой "диалектикой": "...сущностью всей Каббалы, сообщил мне один ученый еврей, большой знаток каббалистической и талмудической литературы, заключается вовсе не в пантеизме, а скорее -- в панизраилизме: каббалистический БОГ нуждается в Израиле для своего спасения, воплощается в него и становится им, почему миф о мировом владычестве обоженного Израиля, от вечности содержащегося в самом Боге, есть такая же диалектическая необходимость, как для платонического космоса -- быть одушевленным существом и всемогущим, всеблаженным божеством или для Христа быть ипостасным богочеловеком".

Это еще можно счесть богословием. Но в "Дополнениях" Лосев ясно "дополняет": "ЕВРЕЙСТВО СО ВСЕМИ СВОИМИ ДИАЛЕКТИЧЕСКО-ИСТОРИЧЕСКИМИ ПОСЛЕДСТВИЯМИ ЕСТЬ САТАНИЗМ, ОПЛОТ МИРОВОГО САТАНИЗМА". Впрочем, уже в "Очерках античного символизма и мифологии" читаем: "Католицизм извращается в истерию, казуистику, формализм и инквизицию. Православие, развращаясь, дает хулиганство, разбойничество, анархизм и бандитизм. Только в своем извращении они могут сойтись, в особенности, если их синтезировать при помощи протестантско-возрожденческого иудаизма, который умеет истерию и формализм, неврастению и римское право объединить с разбойничеством, кровавым сладострастием и сатанизмом при помощи холодного и сухого блуда политико-экономических теорий". Внимательным читателям лосевского "восьмикнижия" "Дополнения" лишь объяснили, что под "Израилем" понимается не нечто апокалиптическое, а вполне конкретный современный Лосеву "еврей".

В ту же пору сходные тексты сочинялись в Германии -- до прихода к власти специалистов по "мифу XX века" оставалось совсем немного. "Миф" же Розенберга лежал в основе "моей борьбы" будущего бесноватого (курсив на сей раз наш. -- Л.К.) фюрера. А в советской стране -- "Наряду с философской и исторической "характеристикой Израиля" ЛОСЕВ на многих страницах занимается откровенно юдофобскими рассуждениями о "психической природе еврея", обильно цитируя О. ВЕЙНИНГЕРА. Попутно ЛОСЕВ высказывается и "по женскому вопросу", также целиком в духе средневековой поповщины".

Антисемитские писания Вейнингера были хорошо известны в России и легли в основу многих юдофобских сочинений В.В.Розанова, влияние которого на Лосева трудно переоценить. Но посмотрим на лосевские выводы: "КАК В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ НЕ СУЩЕСТВУЕТ ДОСТОИНСТВА ЖЕНЩИНЫ, ТАК И НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ПОНЯТИЯ О ЕВРЕЙСКОМ

Лосев А. Критики о Лосеве filosoff.org

ДОСТОИНСТВЕ. У настоящего еврея нет внутреннего благородства, которое исходит из достоинства собственного и из уважения к чужому "я". Этим объясняются и еврейское высокомерие, которое выражает отсутствие сознания собственного "я", и властная потребность поднять ценность своей личности -- ПУТЕМ УНИЖЕНИЯ ЛИЧНОСТИ ДРУГОГО. НАСТОЯЩИЙ ЕВРЕЙ, КАК И ЖЕНЩИНА, ЛИШЕН СОБСТВЕННОГО "Я", А ВСЛЕДСТВИЕ ЭТОГО И САМОЦЕННОСТИ. Еврей вовсе не антиморален. Он аморален. Поэтому еврей и не боится демонов".

Без опоры на "тело" последователю Вейнингера и Розанова не обойтись: "Я думаю, можно довольно точно исчислить наличие в реальном человеке (курсив наш. -- Л.К.) "мужского" и "женского" начала, или "человеческого" и "еврейского" (необходимости в курсиве нет. -- Л.К.), и этот подсчет будет вполне точен и анатомо-физиологически, и психологически и социологически".

Вот пуант теории, созданной человеком, сказавшим: "...ЖИЗНЬ СЛОЖНЕЕ ЛОГИКИ И МОИ РЕШИТЕЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ РЕАЛИЗУЮТСЯ ИСТОРИЕЙ, ЗАЧАСТУЮ В ЛОГИЧЕСКИ-НЕПРЕДВИДЕННЫХ ФОРМАХ". Диалектика и имяславие тут ни при чем. До измерения % еврейскости у "половинок" и "четвертинок" с еврейской кровью оставалось чуть больше пяти лет. Лосев может оспаривать приоритет -- его не пугали "самые крайние выводы, если они логически необходимы".

В этом свете по-иному видится судьба Лосева. Хотя в цивилизованных странах подобные "труды" подпадают под соответствующие статьи, речь не идет о законности ареста автора "Дополнений". Позорное имя Кагановича, обвинившего Лосева в черносотенстве с партийной трибуны, стало многолетней индульгенцией (да простит нам А.Ф.Лосев этот католический термин). По-новому читаются и беломорские "разговоры", которые А.А.Тахо-Годи соотносит с "Философией имени" и "Диалектикой мифа". Вспомним: "Еще дня за два до этого я говорил в проектно-отделе одному нервному, черноглазому и, кажется, умному молодому скептику, заведовавшему у нас чертежным отделением: "Ну, Михайлов, как же поживает ваш анархизм?". "Анархист" прямо связан с лосевским "Израилем", а "черноглазость" "анатомо-физиологически" объясняет, "кто есть кто". Однозначно и без диалектики.

Работники президентского архива не стали комментировать текст, что сводит в систему до- и послеканальские работы Лосева, разрешает загадку, над которой бьются его адепты. Интересно, кстати, почему текст этот отложился именно в президентском архиве. Кажется, не миновало его внимание "лучшего друга всех философов и эстетиков". Очень уж похожи лосевские формулировки на те, что потребовались в 1946-1952 годах: "ТОЛЬКО ЧЕЛОВЕК БЕЗ РОДУ И ПЛЕМЕНИ, НЕНАВИДАЮЩИЙ ВСЕ РОДНОЕ И ИНТИМНОЕ, УБИЙЦА БЛИЗКИХ И РОДНЫХ МОЖЕТ УНИЧТОЖИТЬ ДОГМАТ О ТРОИЧНОСТИ". Остается заменить "догмат" на что-то политически подходящее -- и готова сталинская формулировка!

А вот еще один абзац, что должен был проимпонировать глубоко презирающей народ партийной власти: "ПОЧЕМУ СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ, СТОЛЬ, КАЗАЛОСЬ-БЫ, ЧУЖДАЯ РУССКОМУ НАРОДУ, И СЕЙЧАС УПРАВЛЯЕТ ПОЛУТОРАСТ. МИЛЛИОННЫМ НАСЕЛЕНИЕМ. Конечно, не потому, что на стороне этих нескольких десятков людей полнота физической силы. Наоборот, полнота физической силы у полутораста миллионов, а не у нескольких десятков. НО ПОТОМУ ЭТО ПРОИСХОДИТ, ЧТО НАРОД САМ ВПОЛНЕ ДОСТОИН ЭТОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА И САМ ВПОЛНЕ ДОВОЛЕН, ИЛИ, ВО ВСЯКОМ СЛУЧАЕ, НЕ НАСТОЛЬКО НЕДОВОЛЕН, ЧТОБЫ ВЗЯТЬ В РУКИ ОРУЖИЕ. Советская власть держится благодаря платоническим воззрениям русского народа (если только у этого многомиллионного стада баранов есть какое-нибудь мировоззрение)...".

Наивна легенда о том, что "Красный крест" Е.П.Пешковой мог обеспечить послабления Лосеву в лагере и его быстрое освобождение. Для того нужна была реальная власть -- впрочем, говорить точно о роли Сталина в судьбе философа можно будет на следующем этапе архивных открытий. Хорош сюжет: настоящего врага, призывающего к вооруженному выступлению, холят и лелеют на протяжении десятилетий, а высокий партийный бонза за профессорское место (да и вообще за свободу после такого!) просит Лосева оставить философию (какую, мы видим) и заниматься античностью. Когда-то эта фраза казалась "убийством" Лосева-мыслителя; теперь ясно, что рождена она той же логикой, что и "надежда" Сталина на мхатовское трудоустройство Булгакова.

Лосев отплатил партии за заботу. Он успел признать марксизм высшей точкой развития человеческой мысли, забыв, что тот "есть типичнейший иудаизм, переработанный возрожденческими методами". Государственная премия СССР с серпом

Лосев А. Критики о Лосеве filosoff.org
и молотом на нагрудном знаке подтверждает: "русский Фауст" договор выполнил.

Значение текстов, показавшихся публикаторам столь очевидными, в том, что еще один советско-интеллигентский миф рухнул. У мыслителя скоро появятся новые поклонники, от которых станет жутко сегодняшним участникам "лосевской индустрии". Что ж, далеко не только "разумное, доброе, вечное" скрывают архивы Лубянки и Кремля.

Без текста, или

По плодам

Дмитрий Шушарин

Вряд ли стоит убиваться по поводу того, что Алексей Лосев оказался заурядным антисемитом. Именно заурядным -- ничего выдающегося и оригинального в юдофобии нет.

Интересно и весьма существенно другое: почему текст, не просто компрометирующий Лосева, а выводящий его за пределы культуры, был опубликован со столь странным введением. Ведь действительно странно, когда про автора трактата о вреде евреев говорится, что он "ученый с мировым именем, вся жизнь и деятельность которого были отданы служению Истине".

Одно из двух: либо публикатор сам антисемит, либо в его понимании смысл и содержание текста Лосева не имеют никакого отношения к характеристике последнего. Вторая версия кажется более близкой к действительности. Предполагалось, что никто не посмеет судить о Лосеве по этому тексту, вообще анализировать этот текст. У него другое назначение.

И потому вряд ли стоит ждать, что у поклонников Лосева "откроются глаза". Они и так видели, что, например, книга А.Ф. о Владимире Соловьеве к означенному философу не имеет отношения. Заметно было и многое другое. Но...

Но культовая фигура появляется независимо от текстов, кои этой фигурой производятся. Точнее сказать, независимо от качества, количества, смысла и содержания этих текстов. Во всяком случае в России, во всяком случае внутри русской интеллигенции, во всяком случае в советский период истории этой интеллигенции.

Лосев соответствовал нормативам культовой фигуры именно семидесятых -начала восьмидесятых годов, когда все было тихо и ранжировано. Отшумели марксисты-ленинцы шестидесятых, только началось время борьбы за духовность, северные реки и русские города. Слишком последовательному, а главное, профпригодному Солженищину популярность не светила. Да и нельзя было о нем говорить, как и о Сахарове. Для массового потребления годилось что-то с Беломорканалом (или Соловками, как у Дмитрия Лихачева) в биографии, но при этом разрешенное к открытому пользованию. И, что немаловажно, уже не столь марксистское, как в шестидесятые. Постепенно все более модным словом становилась "духовность".

Профессор МГПИ им. Ленина, учебного заведения, ставшего позже одним из самых "памятливых" в Москве, что называется, "вписался". А то, что он написал, играло второстепенную роль. Обычай корпорации, устная традиция интеллигентского ордена были гораздо существеннее и важнее при определении места человека в культурной иерархии, чем то, что он собственно мог предъявить. Хотя Добрый Король из "Золушки" Шварца-Кошеверовой предупреждал: рано или поздно предъявить попросят.

Но архаичные корпоративные законы казались незыблемыми. Впрочем, они сильны и сейчас. Модест Колеров как-то отметил, что у великого историка Гефтера нет научных трудов, позволяющих его так аттестовать. Обвинили в "публичном доносе". Только кому можно доносить после 1991 года? Получается, что общественному мнению.

Но вернемся к Лосеву. Публикаторы, чем бы они ни руководствовались, сделали важное и нужное дело. Заполнен еще один пробел в истории русского нацизма. Теперь мы знаем о его среднем звене -- среднем и хронологически, и культурно-иерархически.

На высшем уровне давно и прочно находятся интеллектуалы, которых нацистами и фашистами не назовешь. Они лишь способствуют эрозии культурной почвы, деградации мысли. Классик этого направления -- Василий Розанов. Продолжатели его дела -- Лев Гумилев и Георгий Гачев. О них в "Сегодня" уже говорилось.

Писали мы и о подонках в прямом и переносном смысле: о Родзаевском из Харбина и нынешних, постсоветских штурмовиках, вынужденных идейно вдохновляться книгами Гитлера и Розенберга, за неимением русскоязычных сочинений.

И вот теперь, как справедливо замечает коллега Кацис, выясняется, что в России за несколько лет до книги Розенберга уже было написано нечто вполне в том же духе и на том же уровне. Это вам не безотчетное разрушение цивилизационной самоидентификации русского национального сознания, как у классика и его продолжателей. И не примитивное "бей--спасай". Это масштабно, доходчиво и академично -- можно рекомендовать в качестве неспешного чтения и дамам, и гг. студентам, и будущим отцам-командирам штурмовых отрядов. Ну, самим штурмовикам, конечно, нужен уже "Штюрмер", издатель которого пятьдесят лет тому назад был повешен.

Лосев же отправился на Беломорканал, где, однако, не провел и года, повторного срока не получил и с 1944 года до самой смерти занимал профессорскую кафедру. Выяснить, почему так получилось, неинтересно, да и не важно это. Главное в другом: он ругал социализм как представитель конкурирующего направления, а не с точки зрения тех ценностей, на которых основывается иудео-христианская цивилизация.

И, может быть, главный результат публикации в том, что появилось еще одно свидетельство нехристианского происхождения фашизма. Из публикации ясно, что Лосев -- еретик-имяславец, чьи нападки на св. Патриарха Тихона и митрополита Сергия (Страгородского), по существу, повторяют обвинения этих архипастырей со стороны Зарубежной Церкви. Той самой Церкви, которая сделала главным направлением своей деятельности политическую борьбу, причем с примитивных самодержавных позиций. (Монархизм может быть и не примитивным.) В тридцатые годы карловчане пошли на прямой союз с гитлеровским режимом, налаживая отношения прежде всего с Розенбергом.

Лосев, таким образом, предстает человеком контекста, человеком своего времени и своего уровня -- уровня полукультуры, которая так легко овладевает массами, в том числе и образованными, поскольку совершает невозможное в собственной культуре -- вербализует допонятийное состояние сознания (отсылаю читателя к трудам Лидии Гинзбург). Но при этом не несет ответственности за написанное в глазах образованной публики, просто не желающей замечать смысла слов, составленных человеком, назначенным культовой фигурой.

"Зверь обладает редкой мерзостью и подлостью, зато практически неуязвим". Пиетет к Лосеву, выражаемый публикаторами его труда, свидетельствует о живучести полукультуры в той же степени, как и радость по поводу предстоящей (увы-увы, шансы велики) канонизации Николая II. Одинаково неприлично говорить о том, что Лосев станет идеологом нацистов, а Николай Александрович -- "небесным покровителем" оккультистов, старцев-самосвятов и целителей-самозванцев.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!